

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР

*Материалы по истории
отечественного востоковедения*

Часть III

Москва
"НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1990

Редакционная коллегия:

**П.А.Грязневич, Н.В.Елисеева (секретарь), Г.А.Зограф,
Е.И.Кычанов, Ю.А.Петросян (председатель), М.Б.Пиотровский,
Э.Н.Темкин (зам.председателя).**

Ответственные редакторы

В.С.Соболев, Э.Н.Темкин

Кто хоть раз увидел тебя - песни достаточно,
Пусть даже смерть настигнет его в тот же час...
Что делать? - Он вкусил наивысшее блаженство!
Во втором четверостишии от перевода пострадало скрытое значение
слов - по-немецки солнце женского рода! (Перевод и примечание
Д.Е.Бертельса).

А.П.Гнатюк-Данильчук

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ТАГОРА - ИНДИЙСКИЕ
И ЕВРОПЕЙСКИЕ КОРНИ В ОСВЕЩЕНИИ М.И.ТУБЯНСКОГО
(Послесловие к статье М.И.Тубянского)

Настоящая публикация имеет значительную научную ценность, ибо, несмотря на незаконченность, она существенно дополняет вышедшие в 1922-27 гг. работы о Рабиндранате Тагоре первого советского тагороведа М.И.Тубянского. М.И.Тубянский был одним из самых талантливых и многообещающих учеников крупнейшего русского востоковеда Ф.И.Щербатского. "Я должен сознаться, что в жизни своей не встречал человека, который по своей общей культуре и образованности был бы ему равен",¹ - писал Ф.И.Щербатский. М.И.Тубянский, как и многие его выдающиеся коллеги-такие как Невский, Востриков и др. - безвременно погиб в страшные годы сталинщины.

Мы отмечали в своих работах, что М.И.Тубянский, никогда не бывавший в Индии, был хорошо знаком со всей тагороведческой литературой того времени, в том числе и с литературой на бенгали.² По своей эрудированности и знаниям он, по нашему мнению, не уступает наиболее крупному на Западе, известному английскому исследователю Тагора Э.Томпсону. Большинство его оценок, за незначительными исключениями, сохраняют свое значение и в наши дни. К сожалению, имя М.И.Тубянского еще не заняло в отечественном и мировом тагороведении того места, которое оно заслуживает. Об одной из причин этого мы скажем ниже. Хотелось бы также подчеркнуть, говоря о данной публикации, что она, как мы надеемся, значительно поможет полной научной реабилитации и "возвращению" М.И.Тубянского в наше тагороведение и в связи с этим отметить большую работу, проделанную по подготовке рукописи к печати, осуществленную безвременно ушедшей из жизни талантливой бенгалисткой И.А.Световидовой и братом М.И.Тубянского - Л.И.Тубянским. Они умело объединили два уцелевших фрагмента работы, снабдили текст адекватными переводами и квалифицированными примечаниями.

В дополнение к краткой, но емкой по содержанию справке И.А. Световидовой считали бы необходимым дать общую характеристику анализа философских взглядов Р.Тагора на фоне основных направлений индийской мысли, выполненного М.И.Тубянским,³ и того нового, что содержит данная публикация. Такая характеристика нужна еще и потому, что неудачное употребление применяемого исследователем термина "персонализм" вызвало не только нарекания, но и отрицательные отзывы некоторых современных индологов⁴ и явилось, на наш взгляд, одной из причин недооценки уникального вклада М.И.Тубянского в отечественное тагороведение.

Основные направления индийской мысли М.И.Тубянский называет "имперсонализмом" и "персонализмом". Аскетический имперсонализм — это отказ от личности, от личных ценностей, от личного божества, признание мира за иллюзию, и личной любви за грех.⁵ А наряду с буддийско-ведангистским имперсонализмом в Индии существовало всегда и обратное направление — персонализм, т.е., в основных чертах: оптимизм, принятие жизни и личности, признание личного божества...⁶ М.И.Тубянский приходит к выводу, что "противоположность имперсонализма и персонализма в индийской мысли определяет собой содержание творчества Тагора."⁷

Эти выводы М.И.Тубянского, сделанные им в 1924—27 гг., стоит сопоставить со следующим высказыванием Дж.Неру (1944):

— Тагор и Ганди были, несомненно, самыми выдающимися и влиятельными личностями в Индии первой половины XX в. Поучительно сравнить и противопоставить их ... Тагор, аристократ-художник, обратившийся в демократа, сочувствующего пролетариату, олицетворял, по-существу, культурную традицию Индии, традицию приятия жизни во всей ее полноте ... Ганди, скорее человек народа, почти воплощение индийского крестьянина, олицетворял другую древнюю традицию Индии — традицию самоотрешения и аскетизма... Они как бы представляли различные, но гармоничные аспекты Индии и дополняли друг друга.⁸

Удивительная близость высказываний Дж.Неру и М.И.Тубянского по своей сути очевидна, как очевидна и их самостоятельность, ибо М.И.Тубянский высказал свое мнение на полтора десятка лет раньше Дж.Неру. Очевидно и то, что М.И.Тубянский вовсе не имел в виду современное направление западной идеалистической философии, также именуемое персонализмом, как это утверждают упоминавшиеся нами современные индологи. Свидетельствует об этом и такое высказывание М.И.Тубянского:

- Индийские корни его лирики восходят в глубь веков, они столь же древни, как вообще персоналистическое направление в индийской культуре.⁹

Ясно, что современный западный персонализм, возникший в США и России в конце XIX в., и уходящий в глубь тысячелетий индийский древний "персонализм", о котором говорит Тубянский, совершенно разные направления философской мысли, в которых может быть отмечено лишь некоторые части внешнего сходства.

Поэтому совершенно неправомерными на наш взгляд являются утверждения упомянутых современных индологов: "... Тубянский сделал неверный вывод, приписав Тагору концепцию персонализма"¹⁰ ... "Были попытки охарактеризовать философские воззрения Р.Тагора как концепцию персонализма. Такая точка зрения наиболее ярко выражена М.И.Тубянским... У Тагора, действительно, имеются некоторые положения, внешне напоминающие идеи персонализма ... Все же неправомерно отождествлять с персонализмом воззрения Тагора в целом ... Наконец воззрения Тагора не имеют ничего общего с реакционной общественно-политической направленностью, которая составляет существо персонализма, как идеологии империалистических кругов США."¹¹ Стоит лишь заменить в блестящих эссе Тубянского слово "персонализм" скажем, на "приятие жизни" как отпадает всякий повод доказывать, что Тагор мог быть "персоналистом" в западном смысле и отвергать глубокий анализ индийских корней гуманизма Тагора, выполненный М.И.Тубянским и полностью сохранивший свое значение и в наши дни.

Отвечая на вопрос, в чем же состоит сущность индуизма, М.И. Тубянский в своем предисловии к переводу романа "Гора" приводит ряд оригинальных положений, которые он затем развивает и в настоящей публикации.

- В Индии эта психология (понимание божества как матери) является основной чертой мышления и, несмотря на сильное влияние мусульманства, а затем и европейской культуры, донныне накладывает свой отпечаток на индийское творчество, как это яснее всего обнаруживается как раз в творчестве Р.Тагора ... (понимание божества как матери есть лишь применение более общего психологического закона, который можно сформулировать так: индийскому духу свойственно всякое отношение понимать по типу отношений между матерью и ребенком).¹²

М.И.Тубянский продолжает:

- Но материнские религии в действительном своем исторически данном виде ... связаны с экстатическими и кровавыми оргиями, с человеческими жертвоприношениями ... большинство из них (образов

богини-матери А.Г.) складывается в страшный образ кроважной матери - Кали. Культ Кали важен для современной Бенгалии ... потому, что с ним связана актуальная история индийского национального движения ... еще в XIX в. богиня-мать уступила место Родине-матери, возникла своего рода политическая религия ...¹³

Тагор подвергает критике тот образ богини-матери и родины-матери, который связан ... /с этим/. Тагор "восстает против кровавого культа богини и против ее политического перерождения в виде националистического безумия".¹⁴

В последней своей опубликованной работе М.И.Тубьянский наиболее ясно говорит о критике Тагором шактизма и связанного с ним культа богини Кали:

- Идеино этот культ (голой силы-А.Г.) опирался на древне-индийский культ мощи (шакти), почитаемой издревле в Индии в образе страшной матери Кали. Тагор отвергает шактизм как религиозное заблуждение, его критике посвящена им еще в 90-х годах драма "Жертвоприношение".¹⁵

В отрицательном отношении Тагора к шактизму М.И.Тубьянский находит корни критики поэтом с позиций гуманизма крайнего крыла индийского национально-освободительного движения и современного ему западного (и японского) империализма. Он пишет в той же работе:

- Тагор справедливо усматривает в идеологии индийского национального движения возрождение этого культа (культа мощи-А.Г.) под другим обликом. Критике этой идеологии он посвящает роман "Дом и мир", вышедший в свет в 1916 г. Ту же самую психологию служения голому могуществу видит Тагор и в современном европейско-американско-японском империализме; английскому переводу "жертвоприношения", вышедшему в 1916 г., он предпосылает посвящение этой драмы "героям, стоявшим за мир, когда богиня войны потребовала человеческих жертвоприношений". Речи, произнесенные Тагором в 1917 г. в Японии (а также в США-А.Г.) представляют собой смелое обличение империализма и мировой войны с этой точки зрения".¹⁶

К сожалению, М.И.Тубьянский не указывает, что эти высказывания Тагора относятся к деятельности экстремистского крыла национально-освободительного движения. У читателя, не знакомого с активным участием Тагора в движении против раздела Бенгалии в 1905 г., с его жгучим желанием видеть Родину свободной от колониальных уз, которое он воплощал прежде всего в своей просветительской деятельности, в выступлениях во время поездок за пределами Индии, наконец, в художественном и публицистическом творчестве, могло

создаться неправильное мнение о патриотизме Тагора. Однако несомненно большая заслуга М.И.Тубьянского в том, что он впервые в советской индологии сказал со всей ясностью об антивоенных, антиимпериалистических позициях Тагора, о которых в 20-е годы в нашей стране мало кто знал, ценя писателя только как изумительного лирического поэта и великолепного рассказчика.

Но к какому же направлению индийской мысли принадлежал Тагор? Как мы уже упоминали, М.И.Тубьянский дает совершенно ясный ответ – его идеология – это наследие религиозно-философской системы вайшнавизма (или вишнуизма). Он пишет: – оправдание личной любви в противовес аскетизму, нашедшее высшее свое выражение в главном произведении величайшего поэта древней Индии, в "Кумара-Самбхава" Калидасы является руководящей религиозно-этической идеей творчества Тагора ... Ей посвящено лучшее из юношеских произведений Тагора – его драма "Отшельник" ... Идея любви как высшей ценности жизни и как основы религии является в мировоззрении Тагора наследием религии вайшнавизма, в особенности вайшнавитской религиозной лирики, которой Тагор увлекался с ранней молодости.¹⁷ Подробнее источники лирики Тагора М.И.Тубьянский рассматривает в предисловии к своим переводам с бенгали из "Гитанджали", где он, в частности, характеризует кришнаизм, как один из главных индийских корней его поэзии:

– Ближайшим образом она (лирика Тагора А.Г.) связана с бенгальской лирикой кришнаизма, с Чандидасом, Видьяпати (XIV–XV вв.) и др. Кришнаизм, т.е. культ Кришны, есть одна из форм религии вайшнавизма, которая высшим божеством считает Вишну. Наиболее распространенным в этой религии средством спасения является любовь к богу (санскр. бхакти). Идея любви, естественно, требует конкретизации образа божества. Бог Вишну ... неоднократно воплощался ради помощи миру и людям и жил на Земле как герой и избавитель; такое воплощение бога носит название аватара ("нисхождение"). Аватары Вишну являются сами по себе предметами поклонения ... В Бенгалии среди иных аватар бога Вишну наибольшее значение получила его аватара в виде Кришны ... Любовь Кришны и (пастушки) Рады понимается как аллегория взаимной любви бога и человеческой души. Она воспета на все лады в бесчисленных поэмах ... мы встречаемся (в этих поэмах) со своеобразнейшим явлением религиозной типологии – с религиозной эротикой... Старинная вайшнавитская лирика – главнейший источник тех стихотворений Тагора, в которых религиозное содержание принимает вид любовной лирики. Чисто эротический элемент в религиозной лирике Тагора отсутствует, однако, совершенно.

Как известно, имя Тагора в 10-20-е годы XX в. ошибочно пытались связать с теософским движением,¹⁹ объявляли его "экзотическим мистиком".²⁰ М.И.Тубьянский особо рассматривает такие мнения и категорически их опровергает. Он пишет:

- Как на Западе, так и в особенности в России Тагор настолько же знаменит, вернее моден, насколько и непонят.²¹ ... Как и у себя на Родине Тагор принадлежит к идейному направлению, резко враждебному всякому оккультизму, так и в Европе ложная картина индийской культуры, навязанная ей теософическими течениями, едва ли не более всего повинна в непонимании Тагора Европой.²²

- Но разве Тагор не мистик? - спросит читатель. - Нет, не мистик! Тагор сам очень не любит, когда его называют мистиком. Слово "мистика" может иметь два значения:

- 1) либо это религиозное учение, видящее цель религии в слиянии личности с абсолютом,
 - 2) либо слово "мистика" равнозначно оккультизму (или тайноведению) и означает учение, претендующее на знание о потустороннем.
- В обоих смыслах термин "мистика" к Тагору неприменим; в первом - потому что персонализм вайшнавизма вообще и Тагора в частности противится всякому растворению личности в чем бы то ни было, а во втором потому, что никакие надуманные доктрины не нужны чуткому и живому сердцу и уму поэзии.²³

Если во втором (оккультном) смысле термин "мистика" к Тагору во всех случаях неприменим, то, на наш взгляд, нельзя отрицать наличие у Тагора мистических представлений и настроений. Новейшие понятия в мистике говорят о формах "единения с высшим началом, а не "растворения", т.е. утраты личности. Представления же о таком "единении" у Тагора встречаются достаточно часто. Другое дело, что основным элементом воззрения Тагора является приятие "этой" жизни во всей ее полноте, любовь к человеку, его ценность как личности и вытекающий из этого гуманистический характер всего его творчества и деятельности.

Прекрасно сказал о Тагоре А.В.Луначарский (1923):

- В Индии живет в настоящее время блестящий и глубокий поэт-пантеист - Рабиндранат Тагор ... Произведения Тагора, несмотря на присущий им пантеистический мистицизм, так полны красками, тончайшими духовными переживаниями и поистине великодушными идеями, что составляют сейчас одно из сокровищ общечеловеческой культуры.²⁴

Четко охарактеризовал характер мистических элементов в мировоззрении Тагора известный советский индолог-философ А.Д.Литман

в своей статье "Философские взгляды Р.Тагора":

- Есть и попытки сблизить Тагора с теософией ... Мироззрение Тагора, конечно, содержит немало элементов мистики, но эти элементы настолько далеки от какого бы то ни было оккультизма, что нет ни малейших оснований сводить воззрения Тагора к теософии. Его мистические идеи единства или гармонии личного "я" с мировым духом и другие подобного рода идеи даже отдаленно не связаны с спиритуалистическим экстазом, верой в загробную жизнь, таинственным общением с духами и прочими принципами крайнего обкурантизма, лежащего в основе теософии.²⁵

Скажем еще, что было бы ошибочным считать, что М.И.Тубянский, так подробно и глубоко рассмотрев влияние на поэта индийской традиционной мысли, игнорировал восприятие им европейской культуры. В предисловии к переводам из "Гитанджали" он пишет:

- Лирика Рабиндраната Тагора по содержанию своему есть, как и его творчество вообще, нечто, во-первых, вполне индийское, во-вторых, вполне современное ... Современный характер лирики Тагора сказывается в ее полной внешней и внутренней свободе от оков традиции ... Он свободно находит себя, отражение своих исканий в старинных бенгальских песнях. Он не теснее связан с индийской мифологией, чем современные европейские поэты с мифологией Греции, или, например, Вагнер с древнегерманской. Эта свобода не есть достояние только Тагора, она есть завоевание новой бенгальской литературы в целом ... Эта бенгальская культура коренится в прошлом Индии, но она была бы немыслима без воздействия Европы как по форме, так и по содержанию. В частности, поэзия Тагора подвергалась сильному влиянию английской поэзии (особенно Шелли и Браунинга).

М.И.Тубянский - и в этом тоже его большая заслуга - попытался оценить произведения Р.Тагора, как часть мирового литературного процесса, чему несомненно способствовала его высокая эрудированность, образованность, широта литературного кругозора. Он рассматривает творчество великого индийца в рамках новых явлений в мировой поэзии конца XIX в. - начала XX в. Он пишет:

- Поэзия Тагора всецело примыкает к тому широкому движению возрождения поэзии, которое имело место за последние 50-70 лет в европейском мире. Эта новая по типу европейская поэзия..., почувствовавшая себя в силах отделиться от остальных сфер духовной жизни, стать на свои ноги как новое мощное орудие осмысления и оценки мира и жизни.

- Самосознание этой новой поэзии сказывается, между прочим, в том, что она часто сама становится своей же темой, и что само

художественное творчество становится для нее одной из основных категорий поэтического мышления в мире. Так и у Тагора ... отношение личности и божества понимается как отношение двух художников-творцов.²⁷

Особенно интересно последнее высказывание М.И.Тубьянского, где он, как нам кажется, подошел к пониманию ключевой идеи личной религии и философии Тагора, проходящей через все его поэтическое творчество – концепции "дживан-девата" и "божества жизни". В своих работах мы писали, что основополагающей для философии Тагора является его идея "дживан-девата" ("божества жизни"), идея, как мы считаем, связи индивидуального "я" с разлитым повсюду высшим началом. Концепция "дживан-девата" отражала... также отношение поэта к своему поэтическому дару. Он обожествлял его, считал проявлением деятельности "я", слитого с абсолютом".²⁸

М.И.Тубьянский, характеризуя религиозные взгляды Тагора в последней своей опубликованной работе, также отмечает и то, что Тагор "не выступает никогда в качестве проповедника какой-либо положительной религии ... Свою личную религию он называет религией поэта и охотно ссылается в этом отношении на религию красоты Шелли и Китса".²⁹

Разумеется, это не должно означать тождественности личной религии Тагора и "религии красоты" Шелли. Речь идет, по-видимому, лишь об определенном и достаточно глубоком внешнем сходстве, хотя, несомненно, можно говорить о значительном влиянии Шелли на юного Тагора, но вряд ли оно было больше, чем влияние вайшнавской поэзии.

ж ж ж

Переходим к обзору данной публикации и попытаемся оттенить основные, на наш взгляд, мысли автора и то новое, что отсутствует в уже опубликованных работах М.И.Тубьянского, о которых речь шла выше.

Публикуемая работа М.И.Тубьянского состоит из пяти разделов; третий из них – религия Тагора, на котором мы остановимся подробнее, делится еще на 10 подразделов.

В первом разделе – вступлении М.И.Тубьянский указывает на то, что тема Тагора очень трудна и требует постановки другой темы "Восток и Запад" и сравнения европейской культуры с индийской и дальневосточной.

Во втором разделе – "три направления индийской религии" автор подробно характеризует имперсонализм, к которому относит также Веданту Шанкары; вайшнавизм, который, как мы видели, М.И.

Тубьянский неудачно назвал персоналистическим направлением и, наконец, шактизм, выступающий в двух ипостасях – культа благостной и культа грозной Матери. Новой здесь является попытка подробнее проанализировать шактизм в связи с древними европейскими материнскими религиями.

Третий раздел – Религия Тагора, который, как нам кажется, было бы правильнее назвать "религиозно-философские взгляды Тагора", содержит 10 подразделов, снабженных многочисленными иллюстрациями из стихотворных сборников поэта в выполненных М.И.Тубьянским переводах с бенгальского, а также ряд отрывков из сборника лекций на бенгали "Śāntiniketan" и сборника эссе на английском "Creative unity".

Первый подраздел "Критика имперсонализма" Помимо характеристики известных "трех революционных движений" в Бенгалии содержит изложение взглядов Рам Мохан Роя на понятие Брахмы, абсолюта, понимаемого в смысле "персоналистического персонализма", т.е. понятия, обозначающего не безличный абсолют, а "личную живую душу мира, с которой живая человеческая душа может вступать во взаимное общение".

По мнению М.И.Тубьянского главное оружие у Тагора в борьбе с имперсонализмом – это любовь. Задача поэта "определяется ... как защита и оправдание" конечного, ограниченного "против того опорочения его, которое производится индийским аскетизмом, против превращения мира в бесцельную игру, в мираж, в бессущностную иллюзию, в майю".

Второй подраздел "материнство". Ссылаясь на бенгальские лекции Тагора "Śāntiniketan", М.И.Тубьянский показывает, что идее майи Тагор противопоставляет идею материнства мира и бога. "Рождение человека из лона матери – вот великое и первое событие в жизни человека, когда его права бесконечны, а весь обширный мир ему родной".

Мир или бог, что для Тагора неразделимо, есть любящая мать и его заместительницей для человека является его мать-родительница. Таким образом, пантеизм Тагора не абстрактен, он конкретное живое восприятие.

Третий подраздел – "плоть" Идея материнства для Тагора "оправдывает не только мир вообще, но освещает и самую плоть мира. Ссылаясь на бенгальского критика А.К.Чакрабарти, который, по мнению М.И.Тубьянского, является лучшим знатоком Тагора, автор говорит, что, если пантеизм является общей характеристикой Тагора, то специальной чертой поэта является его "высокая оценка плоти мира".

Он приводит отрывок из письма Тагора, где поэт утверждает, что у нас "нет родового отличия от того, что мы называем неодушевленным предметом".

Четвертый подраздел "земля". М.И.Тубянский пишет, что "если мать является живым воплощением Всематери, то Земля, стоящая между ними, является наиболее близкой и естественной кристаллизацией вселенской плоти ... Земля не отделяется, не отличается от неба - /и/ становится для Тагора важнейшим объектом религиозно-поэтического преклонения ... главная реальность всего, что совершается на ней". Все, что делает человек на Земле - преходяще.

Развивая эту мысль Тагора, скажем от себя, как важно поэтому не наносить природе-земле ущерба. Тагор фактически показал всю важность проблем экологии, которое человечество начало по настоящему осознавать только теперь.

Пятый подраздел "смерть и мир". Если имперсонализм отказывается от земного из-за его неустойчивости, изменчивости, смертности, то для Тагора "смерть оказывается существенным, неотъемлемым элементом мира, без которого он потерял бы всю свою привлекательность, весь свой смысл ..." Всематерь Тагора есть в такой же степени богиня смерти, как и богиня жизни.

Шестой подраздел "Смерть и личность". В нем автор отмечает, что Тагор всю свою жизнь упорно искал смысла смерти, смысла индивидуальности и был в этих поисках "изумительно одинок". Он отвергал все метафизические теории, хотя "вокруг него вся атмосфера пропитана была настойчивыми внушениями индийских оккультных и не-оккультных теорий загробного существования души". То, с чем сливается личность после смерти, не являлось для него безличным, "природа для него живое, личное бесконечно-любящее существо". М.И. Тубянский далее отмечает, что он (Тагор-А.Г.) ищет для личности еще большего, чем такое слияние с личностью Всематери, но это искание останавливается перед неразрешимой тайной. Как возможно бессмертие и что оно может означать в лоне бесконечной личности - он об этом ничего не говорит.

Седьмой подраздел "Свобода в неведомом". М.И.Тубянский приводит высказывания Р.Тагора из сборника "Creative Unity" "Религия поэта текуча подобно атмосфере вокруг земли ... Она не берется привести кого-либо к прочим выводам и открывает бесконечные просторы света "потому что не ограждена стенами". Он поясняет далее эту мысль стихотворением из одного из лучших поэтических книг Тагора "Болака" (1914), в котором поэт так характеризует свое credo:

Я паломник неведомого – вот мое блаженство;
Оно в вечной смене уз и свободы.

.....

Неведомое – кормчий моей ладьи, неведомое – мое спасение.

Восьмой подраздел "Откровение красоты" говорит о том откровении, которое дает поэту его религия. М.И.Тубянский пишет, что "единственное и достаточное откровение нам по Тагору – это красота. Это не случайное явление, красота с неисчерпаемой щедростью рассыпана в мире. Причем для того, чтобы воспринять это откровение божества, нет нужды ни в каких приемах общения с потусторонним, которые выработаны традицией догматических религий и оккультных систем. Таким образом в этом подразделе автор представляет нам самую суть эстетического кредо Тагора, здесь М.И.Тубянский вновь по- существу говорит о концепции "живан-девата", говоря, что "красота для него (Тагора-С.Г.) не какой-то абстрактный принцип., а один из аспектов, в некоторых отношениях главный даже аспект Все-матери.

Далее М.И.Тубянский справедливо отмечает самую характерную черту поэтического видения мира Тагором: "Красота сама им персонифицируется в женском образе". Этот образ для него душа мира и "если мир с одной стороны является ему матерью, то с другой стороны он же предстает ему в образе то небесной феи, то земной любимой женщины – образ, которой наполняется им столь живым содержанием как и образ Матери мира".

Девятый подраздел "Жизнь". Здесь М.И.Тубянский продолжает анализ тех представлений поэта, о которых шла речь в предыдущем подразделе. Имеется в виду не жизнь вообще, а индивидуальная жизнь как промежуточная стадия между Всематерью, обернувшейся Красотой, между грезой и действительностью ... выступает "особого рода хранительница или водительница индивидуальной жизни .., сопровождающая земную жизнь человека не только в этом его существовании, но связанная с нею и до его рождения и после его смерти. Это олицетворение красоты, но уже не красоты как всемирной души, а неисчерпаемо-индивидуальной красоты".

Здесь, на наш взгляд, М.И.Тубянский дает свою расшифровку основной тагоровской концепции, концепции "живан девата".

Автор заканчивает: "Беседа здесь протекает так же, как общение между матерью и Всематерью: человек обращается к ней, но она молчит, лишь вечно манит его вперед".

Последний, десятый подраздел "Бесцельное странствие" содер-

жит перевод одноименного стихотворения из сборника Тагора "Золотая ладья", как бы завершающего картину поэтического видения мира Тагором, обращение поэта к "водительнице его жизни":

- Куда поведешь ты меня, прекрасная,
Скажи, к какому берегу пристанет твоя золотая ладья?
Когда я спрашиваю, о чужестранка, ты лишь улыбаешься ...
Не понять мне, не узнать мне
Что у тебя на уме.

.....

И я зову тебя в темноте:
Есть ли сад смерти, владычица жизни,
Где молчание твое расцветает песнями.

Так протекает мистическая беседа, о которой речь шла выше.

Четвертый раздел "Критика шактизма и общественно-политические взгляды Тагора". М.И.Тубянский справедливо отмечает в этом разделе, что отвержение Тагором аскетизма отнюдь не означает, разумеется, отказа от требования самоотвержения. Самоотречения ради любви к другим является основной идеей этики Тагора.

Однако, как подчеркивает исследователь, "индивидуальная этика играет в мышлении Тагора меньшую роль, чем общественная". Вопросы социальной педагогики занимает важнейшее место в его размышлениях и педагогической деятельности. Здесь Тагор выступает не столько как творец, а как критик.

Далее речь идет об уже известной нам из публиковавшихся работ исследователя мысли, что Тагор, поклоняясь любящей матери, богине Аннапурне, не приемлет культ кровожадной богини, ставший под влиянием европейских идейных веяний культом Родины. М.И.Тубянский вновь пишет об осуждении Тагором с этих же позиций империализма Европы и Америки и войн, начиная с англо-бурской и противобоксерской в Китае (1900 г.), и кончая первой мировой войной. Здесь же он впервые приводит мысль поэта о том, что "война есть возмездие, постигшее европейский мир за накопившееся в нем вековое зло", о том, что необходим "новый порядок вещей в мире". Как известно, эти идеи Тагор позже развил в своей политической лирике и публицистике в канун второй мировой войны.

Последний, пятый раздел "Тагор в Европе". Этот раздел, к сожалению, не доработанный и не завершённый, содержит более всего новый материал, снабженный многочисленными иллюстрациями из европейской литературы. М.И.Тубянский исходит из мысли, что "Тагор в основных идеях своего поэтического мировоззрения близок к современной Европе и стремится показать те течения европейской поэзии, которые доказывают эту мысль.

Исследователь, отметив, что "на заре XIX в. в германской как "романтической" так и "классической" поэзии провозглашены были первые паролы пантеизма", прежде всего называет имя Гёте, полагая то, что Гёте пантеист, может считаться признанным, (а) его вещи слова о "вечно-женственном" могут служить эпиграфом ко всем религиозно-поэтическим исканиям XIX в." В связи с этим М.И.Тубянский упоминает Новалиса с его чрезвычайно своеобразной религией Земли, "земных недр" и Гёльдерлина, выразившего "переход от традиционного теизма бога-отца к материнской религии природы". Эти же идеи доминируют, по мнению М.И.Тубянского и в "наиболее совершенном открытии европейской души эпохи революции - "Гимне к радости" Шиллера". Далее исследователь переходит к В.Гюго и П.Б.Шелли. Он отмечает, что "наиболее грандиозный поэтический опус Гюго "Легенда веков" открывается двумя гимнами - Земле и материнству".

У Шелли М.И.Тубянский, по-существу, находит элементы, поразительно сходные с тагоровской концепцией "тайной водительницы жизни", т.е. иными словами с концепцией "диван-девата", о которой уже подробно говорилось: он упоминает в этой связи "Эпипсихидион" и, разумеется "Гимн интеллектуальной красоте".

Далее исследователь пишет: "По трактовке смерти, как и пантеизму знаменательно близок Тагору и Уитмен, обратившийся к смерти с ласковым обращением "темная мать". Наконец, М.И.Тубянский обращается к Суинберну, как к сознательному преемнику Гёте, Шелли и Уитмена, к его книге "Предрассветные песни". "Центральная поэма в этой книге - это Nertha, объединяющая в грандиозном синтезе идеи пантеизма, божественного материнства и демократии", - пишет исследователь. Он добавляет, что подобающее место в поэзии Суинберна получила и идея красоты как основы новой религии.

М.И.Тубянский вместе с тем отмечает, что "наиболее полное возрождение идеология Шелли обрела в поэзии современной голландской школы - Клооса, Перка и Фервея. Заканчивает этот раздел М.И.Тубянский русской поэзией, говорит об истолковании "вечно-женственного", которое ведет от трех свиданий и "Подруги вечного" В.Соловьева к "Прекрасной даме Блока", о разработке этих идей у Вяч.Иванова. М.И.Тубянский подчеркивает, что "все эти образы, столь сродственные духу Шелли", уже известны нам в поэзии Тагора, "где они живут привольно и легко".

Мы надеемся, что необыкновенно богатые оригинальными мыслями исследования творчества Тагора М.И.Тубянского, осуществленные им не из "вторых переводческих рук", а на основе овладения оригиналом, далеко не всегда легко поддающегося адекватному прочтению, прочно войдут в обиход отечественного и мирового тагороведения и

послужат импульсом для дальнейших углубленных исследований.

-
1. Р. Тагор. Жизнь и творчество. Сб. статей. М., 1986, с. 17. Работы М.И. Тубьянского, разбросанные по практически недоступным изданиям переводов Тагора, вышедших в 20-е годы, никогда не переиздавались и это обстоятельство явилось дополнительной причиной необходимости обзора этих работ.
 2. Наиболее глубокими и содержательными М.И. Тубьянский считал работы о Тагоре бенгальского критика А.К. Чакраварти (Чокроборти) - "Rabindranath" и "Kabi Parikrama" (на яз. бенгали). См. Тубьянский М.И. "Введение к "Воспоминаниям и к собранию сочинений Р. Тагора" - Тагор Р. "Воспоминания", стр. 6 (далее Тубьянский М.И. "Введение к "Воспоминаниям...").
 3. Частично такая характеристика дана нами в монографии Gnatyuk-Danil'chuk A.P. "Tagore, India and Soviet Union. A Dream Fulfilled". Calcutta 1986, pp. 142-156 и статье Гнатюк-Данильчук А.П. "Тагор в России и Советском Союзе" в сб. "Рабиндранат Тагор. Жизнь и творчество". М., 1986, стр. 17-21. (Далее Гнатюк-Данильчук А.П. Тагор в России и Советском Союзе ...
 4. См., например, Новикова В.А. Рабиндранат Тагор. К столетию со дня рождения. 1861-1961. М., 1961, стр. 333. (Далее Новикова В.А. Р. Тагор в русской и советской критике). Литман А.Д. "Философские взгляды Р. Тагора". - Рабиндранат Тагор. К столетию со дня рождения. 1861-1961. М., 1961, стр. 112 (Далее Литман А.Д. Философские взгляды Тагора...").
 5. Тубьянский М.И. "Введение к "Воспоминаниям..."
 6. Тубьянский М.И. Предисловие переводчика. - Тагор Р. "Воспоминания". М.-Л., 1924, стр. 13 (Далее Тубьянский М.И. Предисловие переводчика...").
 7. Там же.
 8. Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955, стр. 366.
 9. Тубьянский М.И. /Предисловие/ - Тагор Р. Из "Гитанджали". - "Восток" кн. 5. М.-Л., 1925, стр. 47 (Далее Тубьянский М.И. /Предисловие/. Из "Гитанджали...").
 10. Новикова В.А. Р. Тагор в русской и советской критике... стр. 333.
 11. Литман А.Д. Философские взгляды Тагора..., стр. 112.
 12. Тубьянский М.И. Введение. - Тагор Р. Гора. Л., 1926, стр. 11 (Далее Тубьянский М.И. Введение ... Тагор Р. "Гора").
 13. Там же, стр. 12-13.
 14. Там же, стр. 14.

15. Тубянский М.И. Введение к "Воспоминаниям"... стр. 19.
16. Там же, стр. 9-10.
17. Там же, стр. 10-11.
18. Тубянский М.И. /Предисловие/. Из "Гитанджали..." стр. 47-49.
19. См., например, Тимофеевский П.И. Предисловие. - Тагор Р. Творчество жизни: /Садхана/. М., 1914, стр. УШ.
20. См., например, Баранников А.П. Индийская филология. Литературоведение. М., 1959, стр. 284.
21. Тубянский М.И. Предисловие переводчика..., стр. 8.
22. Там же, стр. 10.
23. Тубянский М.И. /Предисловие/. Из "Гитанджали" стр. 50.
24. Луначарский А.В. Индийский Толстой. "Красная Нива", 1923, № 1, стр. 28.
25. Литман А.Д. Философские взгляды Тагора... стр. 113.
26. Тубянский М.И. /Предисловие/. Из "Гитанджали..." стр. 47, 49.
27. Там же, стр. 50.
28. Гнатюк-Данильчук А.П. "Тагор в России и Советском Союзе", стр. 29-30.
29. Тубянский М.И. Введение к "Воспоминаниям...", стр. 11.

Ленинград, июль 1989 г.